

Г.И. Успенский

Власть Земли

**Очерки и "Отрывки Из
Памятной Книжки"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.И. Успенский**
Власть Земли: Очерки и "Отрывки Из Памятной Книжки" / Г.И. Успенский –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 506 с.

ISBN 978-5-517-97663-5

ISBN 978-5-517-97663-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Иванъ Босыхъ.

Морозный зимній день въ полномъ блескѣ. Часъ одиннадцатый въ исходѣ. Въ незамерзшіи ку-сочекъ полузаметеннаго снѣгомъ окна вижу я, какъ на широкій дворъ, примыбающій къ тому деревенскому дому, въ которомъ я живу, вошелъ крестьянинъ Иванъ Петровъ, по прозванію „Босыхъ“. Вижу я, какъ лѣнливою, почти болѣзненною поступью подошелъ онъ къ кучѣ кое-какъ наваленныхъ въ углу двора полѣньевъ, которыя Иванъ взялся расколоть на дрова, какъ онъ, вмѣсто того, чтобы приняться за работу, принялся обѣими руками крѣпко-накрѣпко царапать свою голову, держа подъ мышкою шапку, какъ потомъ, нахлобучивъ эту самую шапку на голову, потолкавъ кучу полѣньевъ ногой, обутой въ рваный валяный сапогъ, и какъ, опять-таки, вмѣсто того, чтобы взяться за топоръ, сталъ разминать плечи, стараясь достать кулакомъ на средину спины... Вижу

я все это и знаю, что Иванъ находится въ самомъ мучительномъ состояніи,—знаю, что онъ боленъ „со вчерашняго“, что онъ вчера крѣпко выпилъ, что если сегодня онъ и появился около дровъ, то уже поздній часъ прихода на работу, когда люди собираются обѣдать, означаетъ только желаніе выпросить рубль серебра на опохмѣленье. И точно, поколотивъ кулакомъ поясницу и между лопатками, онъ полѣзъ въ карманъ сѣраго подпоясаннаго армяка за махоркой и потомъ, растирая ее на ладони, уныло пошелъ въ кухню. Здѣсь, какъ мнѣ также ужь достовѣрно извѣстно, онъ долгое время будетъ курить, а чтобы завести общій разговоръ, сообщить, что „вчера“ у него вытащили въ кабаѣ деньги, и, возбудивъ этимъ общее сочувствіе, долго будетъ разговаривать о своемъ разстройствѣ, о томъ, какъ онъ жилъ на вокзалѣ, о томъ, какъ онъ поправился; сообщить множество свѣдѣній о томъ, какъ лѣчить такую-то и такую болѣзнь, какъ ловить барсуковъ, какъ прививать яблони, и въ концѣ концовъ, не имѣя силъ долѣе сопротивляться мучительному недугу похмѣлья, скажетъ: „нѣтъ, видно нонѣ я не человѣкъ“, — и пойдетъ ко мнѣ просить рубль серебра, говоря, что у него внутри жжетъ и деретъ, ѣстъ и сосетъ, и что, почувствовавшись, онъ придетъ завтра до свѣту и все передѣлаетъ съ одного маху. И это также давно мнѣ извѣстно; знаю я, что, очнувшись, Иванъ Петровъ дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ и что въ такіа—къ несчастію, рѣдкія—минуты нѣтъ въ деревнѣ такого другаго мужика, который былъ бы такъ, какъ Иванъ, „золъ“ на работу, т.-е. такъ къ ней страстенъ и такъ ею оживленъ.

Иванъ Петровъ принадлежитъ къ тому ненужному, непонятному, даже прямо постыдному для таковой земли, какъ Россія, классу деревенскихъ людей,—классу, народившемуся въ послѣднія двадцать лѣтъ,—который волей-неволей приходится назвать „деревенскимъ пролетаріатомъ“. Этотъ новорожденный пролетаріатъ рѣшительно могъ бы не существовать на нашей землѣ, еслибы милліоны мѣропріятій, направленныхъ въ сторону народа, дорожили народнымъ міросозерпаніемъ, по малой мѣрѣ, въ такихъ же размѣрахъ, какъ и его платежною силой. Для того, чтобы махнуть рукой на землю и предпочесть своему дому домъ питейный, вполне достаточно хотя бы только той нелѣпицы въ крестьянскихъ „правахъ“, вслѣдствіе которой крестьянинъ, сегодня бывший присяжнымъ засѣдателемъ, судьей и великодушно оправдавшій несчастнаго человѣка, давшій ему жизнь словами „нѣтъ, невиновенъ“, на другой же день послѣ свободнаго проявленія такого большого „права“ можетъ быть выпоротъ въ волостномъ правленіи *до крови* за то, что, встрѣтившись подъ хмѣлькомъ со старшиной, нанесъ ему оскорбленіе словами: „ахъ, ты курносый заяцъ!“ Чтобы молча и безропотно вращаться только между такими полюсами крестьянскихъ „правовъ“, и то надобно отказаться отъ всякой нравственности, отъ всякой духовной жизни, отъ всякой возможности жить по своему разуму. Но этотъ примѣръ только капля въ морѣ того *коренного* разстройства, которое размываетъ самыя коренныя основы народнаго міросозерпанія, вырабатываетъ человѣка „безъ перспективы“, „безъ завтрашняго дня“, стремится сдѣлать работника и раба изъ человѣка, который, по самому существу своей приро-

ды, *не можетъ* существовать иначе, какъ съ сознани-емъ, что онъ „самъ хозяинъ“. Посмотрите вотъ на это-го Ивана Петрова, по прозванію Босыхъ: онъ человѣкъ сильной породы, онъ легокъ, ловокъ и умѣлъ въ работѣ; жена его—умная, сильная и ловкая работница, когда-то красавица; земли онъ можетъ имѣть сколько понадо-бится; но, кромѣ „хозяйства“, онъ еще и плотникъ, весьма хорошій для деревни, и сапожникъ; да и просто какъ поденщикъ—колоть ли дрова, пресовать ли сѣно и пр.—онъ могъ бы, получая не менѣе семидесяти ко-пѣекъ въ сутки на хозяйскихъ харчахъ, существовать безбѣдно, а онъ вотъ бросилъ хозяйство, бьетъ жену, жена ходитъ жаловаться, плачетъ; дѣти его, трое ре-бятъ, по цѣлымъ днямъ шлеются въ грязныхъ лох-мотьяхъ по деревнѣ безъ всякаго призора и неизвѣст-но, кормить ли ихъ кто-нибудь. Изба его, въ ряду тѣхъ новыхъ „крестьянскихъ“ избъ, въ которыхъ вы видите кисейныя занавѣски, вѣнскую мебель, часы подъ стекляннымъ колпакомъ и т. д., представляетъ собою верхъ безобразія: она вся почти развалилась; вмѣсто стеколъ—тряпки и какіе-то лохмотья; а по постройкѣ избы и службъ вы видите, что домъ былъ „богатый“: сараи протянулись сажень на тридцать; столбы вездѣ дубовые, аршина по два въ обхватѣ... А самъ хозяинъ? Спросите о немъ у авторитетныхъ деревенскихъ лю-дей, всѣ отзовутся о немъ самымъ неодобрительнымъ образомъ: онъ три раза продалъ одно и то же сѣно тремъ разнымъ лицамъ, а деньги пропилъ; онъ на-бралъ „подъ телушеу“ въ трехъ лавкахъ и не отдалъ нигдѣ, — телушку продалъ на сторону, а деньги, по обыкновенію, пропилъ. Его сѣкли въ волости нѣсколь-

ко разъ—и за грубость передъ начальствомъ, и за недоимки, и по жалобѣ жены, которую онъ послѣ этого суда жестоко избилъ въ полѣ, возвращаясь домой. „Не давайте ему денегъ, ни Боже мой, не давайте впередъ!“—совѣтуетъ вамъ экономный деревенскій житель. „Ни на волосъ не вѣрьте!“—говоритъ другой житель, уже обманутый Иваномъ. А между тѣмъ, когда Иванъ „очувствуется“ на недѣлю, на двѣ, что это за славный, добрый, умный человекъ! Сколько у него юмора, наблюдательности, нѣжности, великодушія, насмѣшки надъ самимъ собой, сколько юношеской душевной свѣжести! Что же валить его пьянымъ въ мокрую, грязную канаву, безъ сапогъ, безъ одѣжи, ничкомъ, опухшимъ лицомъ и широкою спиной подъ дождь и вѣтеръ? Вся деревня помнитъ его родителей, всѣ говорятъ, что когда-то „Босыхъ“ были первые хозяева, что Иванъ и жена жили прежде дружно, работали „за первый сортъ“; всѣ согласны, что, очнись онъ, ему цѣны не будетъ, что у него „золотыя руки“; а онъ точно умышленно махнулъ на все рукой, обманываетъ, бунитъ и, какъ нищій, шляется въ поденщикахъ, да и то только для того, чтобы выработанное пропить въ кабацѣ.

II.

Разсказъ Ивана Босыхъ.

Теперь пьянство Ивана превратилось уже въ болѣзнь, а эту болѣзнь, угнетающую не одного Ивана, а цѣлыя массы такихъ же, какъ и онъ, непостижимыхъ въ Русской землѣ деревенскихъ пролетаріевъ, самъ народъ охарактеризовалъ словомъ „ослабъ“. Физически Иванъ,

какъ и сотни ему подобныхъ „ослабшихъ“ мужиковъ, не только здоровъ и силенъ, но прямо могучъ; стало-быть, слабость его имѣла не физическіе, а какіе-то другіе источники. Вотъ о причинахъ этой-то „слабости“, „ослабѣнія“, и бывали у насъ съ Иваномъ весьма частые разговоры, долгое время не приводившіе ни къ какому благопріятному результату, а иногда прямо сбивавшіе съ толку, особливо такого человѣка, каковъ пищущій это, т.-е. человѣка, который привыкъ и пріучился объяснять народное разстройство почти исключительно матеріальными несчастіями, бѣдностію, налогами и т. д. Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ разговоровъ.

— Скажи, пожалуйста, Иванъ, отчего ты пьянствуешь?—спрашиваю я Ивана въ одну изъ тѣхъ ясныхъ и свѣтлыхъ минутъ, когда онъ приходитъ въ себя, раскаявается въ своихъ безобразіяхъ и самъ раздумываетъ о своей горькой долѣ.

Иванъ вздыхаетъ глубокимъ вздохомъ и съ сокрушеніемъ произноситъ, почти шепотомъ:

— Такъ избаловался, такъ избаловался... и не знаю даже, что и думать... И лучше не говорить!... Одумайся, станешь думать,—не глядѣлъ бы на свѣтъ, передъ Богомъ вамъ говорю!

— Да отчего же это, скажи, пожалуйста?

— Отчего?—Да все оттого, что... воля! Вотъ отъ чего... Отъ своевольства!

Такъ какъ отвѣтъ этотъ ставитъ меня въ недоумѣніе и я рѣшительно не могу понять, почему „воля“ можетъ губить человѣка, то Иванъ, чтобы разсвѣять мое недоумѣніе и объяснить обстоятельнѣе, прибавляетъ:

— Отъ жизни отъ свободной—вотъ отъ чего!

— Что же это значить?—спрашиваю я въ полномъ недоумѣннѣ.

— А то значить, какъ жилъ я на вокзалѣ, получалъ я тридцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, народу имѣлъ подъ начальствомъ десять человѣкъ, доходу мнѣ каждый Божій день съ вагону ужъ безпремѣнно рубль серебра, а сочтите-ко, сколько въ зиму-то вагоновъ отправимъ?... Ну, вотъ, тутъ-то я значить и забаловалъ...

Слово „забаловалъ“ до такой степени не подходитъ къ сорокалѣтнему, мужественному, бородатому мужику, что не понимаешь даже, какъ онъ можетъ въ объясненіе своего поведенія употреблять такія выраженія, приличныя только развѣ малому ребенку. Но Иванъ не находитъ другаго точнаго выраженія.

— Вотъ и сталъ баловаться... При покойникѣ тятеньѣ, бывало, капли въ ротъ не бралъ. Убьетъ, если узнаетъ, на смерть уколотитъ своими руками... Да и послѣ тятеньки, когда ужъ оженился, своимъ хозяйствомъ сталъ жить, и то позволялъ себѣ—когда угостять, да на праздникахъ, да иной разъ со скуки—стаганчикъ. Все опасался и покуда чего было—берегся... Ну, а ужъ тутъ, на вокзалѣ, какъ стала мнѣ воля, стало мнѣ значить раздолье, сталъ я—однимъ словомъ, коротко сказать—баринъ, тутъ-то я и пошолъ... Жрешь бывало цѣлые сутки, и все доверху не хватаетъ... Я какъ сейчасъ помню съ чего началъ: у дорожнаго мастера Ивана Родіоновича именины были на Ивана Постнаго. Ну, онъ мнѣ и налилъ винограднаго стаганъ,—портвинъ прозывается... Я какъ двинулъ его, — понравилось. Я и давай... А тамъ и коньякъ, лимонадъ... Вотъ съ этихъ

самыхъ поръ и завелъ себѣ язву. А отчего?—Все отъ воли!... Все отъ непривычки, отъ легкой жизни... Вотъ отчего!... Бывало, денегъ полны карманы набью... Ну, и сталъ черезъ это самое вродѣ послѣдней свиньи...

Такимъ образомъ оказывается, что „воля, свобода, легкое житье, обиліе денегъ“, т.-е. все то, что необходимо человѣку для того, чтобъ устроиться, причиняетъ ему, напротивъ, крайнее разстройство до того, что онъ дѣлается „вродѣ послѣдней свиньи“.

— Отчего же ты деньги-то на хозяйство не тратилъ, а на пьянство?—спрашиваю я.

— То-то и есть, непривычны мы... Какое тутъ хозяйство, когда совсѣмъ стало жить свободно!... Дѣлай что хочешь,—никто не попрепятствуетъ... Тутъ, однимъ словомъ, можно въ конецъ избаловаться...

Такъ какъ Иванъ видитъ, что объясненія его ничего не объясняютъ и что я все-таки не могъ взять въ толкъ, отчего хорошая жизнь превращаетъ человѣка въ свинью, то онъ старается пояснить мнѣ свою мысль примѣромъ, въ чему въ разговорѣ вообще довольно часто прибѣгаютъ крестьяне. Привожу этотъ примѣръ, зная, что онъ едва ли что уяснитъ читателю.

— Потому что,—говоритъ онъ,—природа наша мужицкая не та... Природа-то у насъ, сударь, трудовая... Я скажу вамъ примѣромъ. Былъ у насъ тутъ по сусѣдству баринъ, господинъ Подсолнуховъ, хозяйствовалъ... Вотъ хозяйствовалъ, хозяйствовалъ, видитъ онъ, что доходу ему нѣту, задумалъ онъ молочнымъ дѣломъ заняться. Наша скотина ему не по праву пришлась,—коровенки наши, точно, худы, шаршавы,—дай, думаетъ, заграничную корову выпишу. Выписалъ. Идетъ теле-

грама, ѣдетъ корова изъ-за границы, нѣмецъ ученый провожаетъ... Видимъ, ведутъ, чуть не на цѣпяхъ,—эдакая верзила, сажень вверхъ, да полторы вдоль... Что рога, что глаза, что прочее все — страсти Господни! Великанъ, Ерусланъ Лазаревичъ... Очистили ей скотникъ, настлали соломы, пришла она и легла, эдакъ, на бокъ. А нѣмецъ лампу потребовалъ на ночь. Вотъ, хорошо, лежитъ она такимъ манеромъ и ѣсть. Только бабы подкладываютъ ей подъ морду кормъ. Ёсть, а молока не даетъ. „Что же это,—говорю нѣмцу,—она молока-то не даетъ?“—„А это, говоритъ, она отдыхаетъ, такъ какъ, говоритъ, изъ-за границы, и все въ вагонѣ, то она утомлена и поправляется своимъ здоровьемъ“... — „А долго ли, моль, она будетъ поправляться?“ — „Да съ мѣсяцъ мѣста пройдетъ“. Ладно. Попробовали было ей нашего мѣрскаго быка порекомендовать,—куда!... Какъ глянулъ на нее, какая она есть великолѣпная, испугался какъ заяцъ,—понялъ, что не ему съ мужицкимъ рыломъ соваться,—и давай Богъ ноги... Едва за двѣнадцать верстъ чужіе мужики поймали. А она тѣмъ временемъ отдыхаетъ все. Все ѣсть, вздыхаетъ, и ѣсть... Наконецъ, ужъ видно совѣсть ее взяла, даетъ молока, и цѣлое ведро. Вотъ баринъ и говоритъ: „Видишь, говоритъ, Иванъ, какое же сравненіе съ нашими коровѣнками“.—„Ну, нѣтъ, говорю, баринъ, по ейному корму наша скотина много способнѣй“.—„Какъ такъ?“—„А вотъ какъ: сосчитайте, сколько она у васъ съѣла и много ли по корму молока дала? Она хоть и ведро даетъ, да ведро-то это больно много стоитъ... А кабы вы кормъ-то, что она одна съѣла, роздали нашимъ десяти коровѣнкамъ, такъ всѣ-то вмѣстѣ онѣ вамъ въ

десять разъ больше этой одной верзилы дали-бъ“. Тутъ пѣмецъ и говоритъ: „Она, говоритъ, не такой породы, чтобы только о молокѣ думать; она и объ себѣ думать, она ѣсть для своего удовольствія, — посмотри-ко-сь, какое у ней мясо-то“... Вотъ послѣ этихъ словъ я и говорю барину: „Видите, говорю, господинъ, анъ и оказывается, что наши коровѣнки какъ разъ по нашей природѣ и породѣ приходятся... Мясо вамъ не требуется, своего удовольствія она знать не знаетъ, а живетъ только изъ-за работы; что ѣсть, то отдаетъ, а объ себѣ не думаетъ. Родилась она для работы и живетъ весь вѣкъ въ ней — вотъ вся и жизнь ея“... Вотъ и человѣкъ этакъ же бываетъ разный. И вотъ наша крестьянская порода то же самое: мы круглый годъ и всю жизнь не покладаячи работаемъ, да таеъ въ работѣ и живемъ... Я вотъ попробовалъ отъ крестьянства отбиться—чуть было не опился... А другому что легче, то лучше; что ничего не дѣлать, то и пріятно... Вотъ у насъ на станціи еврейчикъ былъ Шнапъ... Все онъ тамъ толкался въ разныхъ мѣстахъ и все на пустомъ наровиль рублишко нажить: тамъ барыню провожаетъ, тамъ мужику уважетъ, какъ и куда пройти... Ну, и даютъ кто рубль, кто гривенникъ... А онъ все прячетъ, все копить. „На что, говорю, копишь?“ — „Карьеръ хочу дѣлать“.— „Какой такой?“ — „Деньги наживать!“ — „За-чѣмъ?“ — „Лавку отерывать!“ — „А какъ откроешь?“ — „Опять деньги наживать!“ — „А какъ наживешь?“ — „Еще больше буду наживать!“ — „А какъ совсѣмъ ужъ много будетъ?“ — „Опять буду еще больше стараться“... Вотъ и гляди на него.— „Пойдемъ выпьемъ!“ Неидетъ, кофѣйки не истратить. А по-нашему, по крестьянству,